

DOI: 10.33184/dokbsu-2026.2.8

Личное местоимение как организующий элемент современного поэтического текста

Д. С. Шевченко¹, А. Е. Родионова^{1,2*}

¹Уфимский университет науки и технологий

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

²Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Россия, Республика Башкортостан, 450077 г. Уфа, ул. Октябрьской Революции, 3А.

*Email: aer1969@mail.ru

В статье рассматриваются семантические, структурные, прагматические функции личных местоимений в текстах современной поэзии (конец XX – начало XXI в.). В поэтическом дискурсе рубежа XX–XXI вв. личное местоимение не только выражает грамматические категории, но и становится динамическим организующим началом, определяющим композицию текста, его дейктическую ориентацию, прагматическую стратегию автора и онтологический статус лирического субъекта. На материале современных русскоязычных поэтических произведений определяются три аспекта организации текста посредством местоимений: субъектно-диалогический, дейктически-пространственный и метатекстуальный. Исследование опирается на методы дискурсивного анализа и лингвистической прагматики. Результаты исследования доказывают, что личное местоимение в современной поэзии выступает не только референтным маркером, но и средством смыслопорождения, структурирующим взаимодействие автор-текст-читатель и отражающим отход от принципа устойчивой идентичности в культуре постмодерна и метамодерна.

Ключевые слова: личное местоимение, современный поэтический текст, дейксис, лирический субъект, поэтическая организация, прагматика, дискурс-анализ, субъектность, русская поэзия конца XX – начала XXI в.

Текстоведение и поэтика длительное время рассматривали личные местоимения прежде всего в рамках грамматической системы или как устойчивый маркер лирического «я», не углубляясь в сложности его роли в организации поэтического текста. В классической модели филологического анализа текста местоимение выполняло референциальную функцию, фиксируя позицию автора или лирического героя внутри замкнутой текстовой вселенной, тем самым определяя рамки нарратива или выстраивая связь между субъектом и объектом описания. Однако в современной поэзии, для которой свойственны фрагментарность, полифония и размывание границ между

реальным и вымышленным дискурсами, личное местоимение приобретает принципиально иную функцию: оно становится центральным звеном смысловой структуры, вокруг которого выстраиваются сложные семантические, синтаксические и прагматические связи текста, обеспечивая его многогранность и глубину интерпретации.

Актуальность избранной темы связана с потребностью в переосмыслении основополагающих категорий субъекта и адресата в условиях радикальной трансформации литературной коммуникации, происходящей на фоне стремительного развития цифровых технологий и изменения характера взаимодействия автора и читателя. Современная поэзия активно использует широкий спектр нетрадиционных средств выразительности, включая местоименные сдвиги, амбивалентность референции, эллипсис и метадискурсивные жесты, что требует привлечения и комплексного применения лингво-поэтического и дискурсивного аппарата анализа для адекватного понимания и интерпретации поэтических текстов.

Проблема местоименной субъектности в поэтической речи имеет длительную и богатую открытиями историю изучения как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике и поэтике. Постановка этой проблемы и ее осмысление связаны с именем Э. Бенвениста, который в своей фундаментальной работе «Проблемы общей лингвистики» обосновал положение о том, что личные местоимения не называют, а конституируют субъекта высказывания, выступая в качестве «пустых знаков», обретающих содержание в акте речи, что подчеркивает их динамическую и контекстуальную природу [4, с. 45].

Р. Якобсон в рамках теории поэтической функции языка показал, что семантические сдвиги дейктических маркеров текста, включая личные местоимения, становятся мощным средством эстетической организации текста, смещая фокус с референции на собственно процесс высказывания и тем самым создавая особую поэтическую реальность [14, с. 27]. М. М. Бахтин, один из наиболее оригинальных мыслителей XX в., указал на диалогическую природу местоимений форм, утверждая, что «я» всегда существует в отношении к «ты» и «он», формируя полифоническое пространство и подчеркивая тем самым сложную структуру межсубъектных отношений [3, с. 56].

Данную проблематику развивали исследователи, чьи интересы совмещали лингвистику и поэтику. В трудах таких ученых, как Ю. М. Лотман, М. Л. Гаспаров, Н. В. Перцов, показано функционирование поэтического текста как сложной семиотической модели, где грамматические категории и языковые элементы приобретают дополнительную структурную и смысловую нагрузку [5; 9; 11]. Особое внимание в современных исследованиях (Д. М. Бак, Т. В. Коровякова, Н. А. Сребрянская и другие) уделяется трансформации лирического субъекта в постклассической поэзии, где местоимение теряет свою стабильность, становится динамичным оператором идентичности, инструментом создания дистанции или слияния с читателем. Все это открывает новые перспективы для осмысления механизмов взаимодействия автора и адресата [1; 8; 12].

Тем не менее, в современной лингвистике и поэтике недостаточно полно и систематично рассмотрен организующий потенциал личного местоимения в поэзии рубежа XX–XXI вв.: какими способами оно задает ритмико-синтаксическую структуру текста, определяя его смысловое и эмоциональное наполнение, как организует дейктическую структуру, создавая сложную систему координат и ориентиров для читателя, как управляет вниманием реципиента, направляя его восприятие и интерпретацию, и как моделирует онтологию текста, влияя на его глубинную структуру и философское содержание.

В современной поэзии личное местоимение нередко выступает не как средство указания на конкретного автора, а как позиция высказывания, способная мигрировать внутри текста, создавая тем самым полифонию. Создается устойчивая тенденция к стиранию границ между «я», «ты» и «мы», что приводит к усложнению и обогащению субъектной структуры текста. Местоимение «ты» часто употребляется в отрыве от конкретного адресата, превращаясь в проекцию внутреннего голоса читателя, абстрактного «другого» или же самого лирического субъекта, что обуславливает создание более интимной и доверительной атмосферы. Подобные сдвиги значения демонстрируют, как полифоническая и фрагментарная манера изложения сменяет монологическую исповедальность, характерную для русскоязычной поэзии XIX–XX вв., что открывает новые возможности для отражения многогранных и иногда трудноопределимых переживаний.

Эта новая тенденция композиционно выражается в чередовании местоименных доминант: стихотворение может начинаться с «я», выражая личное и субъективное, переходить в «ты» как обращение к отсутствующему или абстрактному адресату, создавая эффект диалога и взаимодействия, а завершаться безличной или обобщенно-личной формой высказывания, что создает эффект незавершенности диалога и открытости текста, побуждая читателя к сотворчеству и дальнейшей интерпретации (следует отметить, что подобное чередование местоименных доминант и даже смена субъекта повествования все больше свойственны и современной прозе, в которой они воспринимаются не как дефект изложения, а как способ моделирования читательского восприятия).

Ярким примером служит стихотворение Линор Горалик «Автопортрет» (сб. Невыразимое, 2005), где местоименная ротация моделирует процесс смыслопорождения:

Я говорю тебе,

Ты отвечаешь мне,

Мы становимся тем,

Кто не был ни мной, ни тобой [6, с. 41].

Здесь «я» и «ты» не указывают на конкретных коммуникантов, а функционируют как взаимопорождающие позиции: субъект возникает только в акте коммуникации. Аналогичный прием характерен для поэтики Дмитрия Пригова, где в цикле «Я, конечно, не Пушкин» (1990-е) использование местоимения «я» парадоксально сочетается с отрицанием индивидуальности:

Я пишу от имени того,

Кого нет, но кто пишет [10, с. 112].

Также личное местоимение в современном поэтическом тексте активно участвует в построении дейктического центра, который организует вокруг себя хронотоп произведения. В отличие от классической модели, где «я» фиксирует точку отсчета в устойчивом и определенном пространстве-времени, современная поэзия использует местоимение для создания подвижной перспективы, позволяющей читателю наблюдать за развитием мысли или чувства сквозь призму меняющихся личных форм. Сдвиги лица в повествовании сопровождаются изменением временных и пространственных координат, что в свою очередь приводит к эффекту «текучей реальности», когда границы между прошлым, настоящим и будущим, а также между различными пространственными локусами становятся гибкими и проницаемыми.

Структурно это проявляется в том, что местоимение часто становится центром, вокруг которого группируются символические образы, повторяющиеся синтаксические конструкции, значимые паузы и смысловые отсылки, создавая сложную сеть взаимосвязанных элементов. Для верлибра, доминирующего в современной поэзии, особенно важна местоименная организация: отсутствие рифмы компенсируется ритмическим и интонационным выделением личных форм, которые задают внутренний ритм текста, вовлекая читателя в активное сопереживание и созерцание. В верлибре Алексея Цветкова-младшего «Деиксис» смена лица напрямую переориентирует пространственно-временную сетку, как видно из строки: *здесь я / там ты / потом мы / нигде никто*, демонстрируя, как смена местоимения меняет координаты текста и создает многомерную картину бытия; ср. у того же автора: *как это с нами и кто эти мы / кто-то другие* [13, с. 14]. Отсутствие рифмы в данных текстах компенсируется ритмическим и интонационным выделением местоимений, которые придают ему смысловую целостность и в то же время динамичность. Каждый переход от одного личного местоимения к другому в стихотворении выступает как дейктический сдвиг, заставляющий читателя постоянно «пересобирать» перспективу восприятия, что требует от него активного участия в интерпретации текста. Такая организация текста подтверждает тезис о том, что в современной поэзии местоимение выполняет не только референциальную функцию, но и структурообразующую и прагматическую, делает фрагментированный текст композиционно связным, целостным и осмысленным.

Современные поэты часто используют личное местоимение как инструмент управления читательским восприятием, создавая сложные и многогранные эффекты. «Я» в поэтическом тексте может выступать как маска, цитата, интертекстуальная отсылка или даже как объект рефлексии, когда поэт прямо указывает на условность своего «я» («я пишу это я, которое не совпадает со мной»). Подобные стратегии реализуются с помощью различных языковых и стилистических приемов, таких как эллиптические конструкции, где опущенное местоимение восстанавливается читателем на основе контекста; тавтологические или парадоксальные сочетания («я не я», «мы без нас»), создающие игру смыслов; прямое обращение к читателю, стирающее границу между текстом и внешней объективной реальностью и тем самым вовлекающее читателя «внутрь текста» как участника событий или соавтора изложения.

В таких случаях местоимение перестает быть просто элементом грамматики и становится маркером метатекста, сигнализирующим о процессе письма, об условности лирической ситуации, о множественности интерпретаций, что придает тексту полифоничность и открывает простор для читательского осмысления.

В стихотворении Полины Барсковой «Ты» (сб. Живые картины, 2016) метатекстуальная функция местоимения выведена на передний план:

Ты читаешь эти строки,

И они читают тебя,

Я – лишь почерк на полях [2, с. 54].

Здесь «я» деконструируется как инструмент письма, «ты» активируется как соавтор смысла, а само местоимение помогает осуществить рефлексия над процессом восприятия текста. Аналогично в поэзии Анны Глазовой («Письма к неизвестному», 2014) конструкции типа «я не я», «мы без нас» сигнализируют об условности лирической ситуации, превращая местоимение в метадикурсивный жест, управляющий интерпретацией [7, с. 88].

Результаты нашего исследования подтверждают постулат современного литературоведения и культурологии о кризисе устойчивой субъектности в современной культуре. Если в текстах XIX–XX вв. личное местоимение было «якорем идентичности», то в современном поэтическом дискурсе оно становится подвижным узлом, связывающим различные уровни и аспекты текста: семантический, синтаксический, прагматический, интертекстуальный и метатекстуальный. Это соответствует общей тенденции к «размыванию авторской позиции», характерной для постмодернистской и метамодернистской эстетики, где искренность и ироничность, вовлеченность и дистанция существуют одновременно.

Отметим, что организующая роль местоимения не определяется только его частотностью и формальными способами выделения. Ключевым фактором оказывается контекстуальная изменчивость местоимения: способность одной и той же формы в пределах одного текста менять референт, интонацию, прагматическую направленность. Именно эта динамичность придает поэтическому тексту внутреннюю связность при внешней фрагментарности.

Таким образом, личное местоимение в современном поэтическом тексте перестает быть нейтральным средством выражения грамматических категорий и становится активным организующим элементом дискурса. Оно структурирует композицию через изменения дейктической отнесенности местоимений, моделирует диалог автора с читателем и с другими «голосами» внутри текста, участвует в создании метатекстуальных смыслов и отражает трансформацию представлений о субъектности в культуре XXI века. Анализ показывает, что именно стратегии и приемы использования местоимений придают современной поэзии внутреннюю целостность, позволяя совмещать фрагментарность формы с глубиной вовлеченности читателя в осмысление и переживание текста.

Литература

1. Бак Д. М. Местоимение и субъектность в поэтическом дискурсе постмодерна // Русская речь. 2020. №2. С. 45–53.
2. Барскова П. Живые картины. М.: АРГО-РИСК, 2016. 112 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1979. 318 с.
4. Бенвенист Э. Проблемы общей лингвистики. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
5. Гаспаров М. Л. О русской поэзии. СПб.: Азбука, 2001. 512 с.
6. Горалик Л. Невыразимое. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 128 с.
7. Глазова А. Письма к неизвестному. М.: Русский Гулливер, 2014. 144 с.
8. Коровякова Т. В. Диалогическая природа лирического субъекта в современной поэзии // Вопросы литературы. 2018. №4. С. 112–129.
9. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
10. Пригов Д. А. Стихотворения. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 384 с.
11. Перцов Н. В. К проблеме построения семантического метаязыка. Лингвистика, поэтика, текстология: Избранные статьи. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 226–235.
12. Сребрянская Н. А. Дейксис и его проекции в художественном тексте: монография. Воронеж: ВГПУ, 2005. 255 с.
13. Цветков А. Шекспир отдыхает. СПб.: Пушкинский фонд, 2006. 68 с.
14. Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

Статья рекомендована к печати
кафедрой современного русского языкознания
ИГСН УУНиТ (д-р филол. наук, проф. Т. В. Григорьева).

Personal pronoun as organizing element of modern poetic text

D. S. Shevchenko¹, A. E. Rodionova^{1,2*}

¹*Ufa University of Science and Technology
32 Zaki Validi st., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

²*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
3A Oktyabrskoi Revolyutsii st., 450077 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

**Email: aer1969@mail.ru*

This article examines the semantic, structural, and pragmatic functions of personal pronouns in contemporary poetry (late 20th – early 21st centuries). In the poetic discourse of the late 20th and early 21st centuries, the personal pronoun not only expresses grammatical categories but also becomes a dynamic organizing principle, determining the composition of the text, its deictic orientation, the author's pragmatic strategy, and the ontological status of the lyrical subject. Using contemporary Russian-language poetry, three aspects of text organization through pronouns are identified: subject-dia-logical, deictic-spatial, and metatextual. The study uses methods of discourse analysis and linguistic pragmatics. The results of the study demonstrate that the personal pronoun in contemporary poetry serves not only as a referential marker but also as a means of meaning generation, structuring the author-text-reader interaction and reflecting a departure from the principle of stable identity in postmodern and metamodern culture.

Keywords: personal pronoun, modern poetic text, deixis, lyrical subject, poetic organization, pragmatics, discourse analysis, subjectivity, Russian poetry, late 20th – early 21st centuries.